

Я вспомнил, как в один из не самых удачных дней я расспрашивал Белларекс. Джорра не смог прийти, и мы ограничились простым поединком. Она, как обычно, устроила мне хорошую взбучку. Я ткнул пальцем в одно из ребер, отпив из бурдюка с водой, и поморщился.

— Кажется, ты сломала мне ребро. — Я отхлебнул побольше. Вода была теплой и неочищенной, но ощущение от нее было просто божественным, так как она снимала сухость со рта и языка.

Белла устроилась рядом со мной, ничуть не утомленная. Она остановилась на середине движения, затачивая один из своих многочисленных увесистых ножей.

— Ой, прости. Я думала, ты заблокируешь удар как следует. Если хочешь, я могу...

Я ткнул в ее сторону пальцем.

— Не заканчивай эту фразу.

— Я знаю, знаю, — вздохнула Белла. — Используй почти всю свою силу, но оставь немного в запасе, если придется бороться за свою жизнь.

— Хорошо.

Я вспомнил поединок. Сражаться с Беллой было все равно, что сражаться с человеком, который может видеть будущее, и это замечание выглядело несколько иронично. Она умела предсказывать развитие событий по самым незначительным признакам. Для Беллы носок ботинка, вращающийся в грязи определенным образом, мог быть мигающей стрелкой, указывающей направление удара. Отсюда следовало, что действия должны быть непредсказуемыми. И это срабатывало. Пока не переставало срабатывать. Странно, что человек может обладать столь тонким восприятием языка жестов, но при этом быть настолько социально неспособным.

Мой взгляд упал на ножи в ее наборе.

— Ладно. Я должен знать. Как, черт возьми, ты так точно управляешься с ними?

Она подняла на меня глаза, не понимая контекста вопроса.

— Ножи. — Я указал. — Я не понимаю. Из всего, что я когда-либо читал, метание ножей непрактично. В основном, это трюк для развлечения.

Белла выпятила губу, изображая что-то похожее на недовольство.

Я быстро продолжил:

— Но это явно не так, когда это делаешь ты. Я могу это подтвердить. — Я вспомнил, как много раз, когда мне удавалось одержать верх, метательный нож попадал мне в лоб или, совсем недавно, в ребра. Я подумал о другой возможности.

— А магия пустоты их укрепляет?

Энтузиазм инфернала вернулся, как только она поняла, что ее похвалили, а не отругали.

— Нет. Если что и делает их более сложными в использовании. Магия, заключенная в предмете, особенно нестабильна. Мне нравятся ножи, потому что они подходят для разных целей.

— Разве?

— Некоторые пустотные маги предпочитают метать металлические шары. Бум. Ты попал в них. Их магия не действует в течение нескольких минут. — Белла притворно зевнула.

— Муторно. Не говоря уже о том, что это менее эффективно. Мне нравятся ножи, потому что если острое вонзается, то не только эффект длится дольше, но и есть психологический момент. — О нет, острый предмет. — Она улыбнулась, с тоской глядя в потолок, и я подавил мелкую дрожь. — Если противник совсем тупой, он даже вытащит его.

Я представил себе это. Маг, паникующий из-за того, что он больше не может колдовать, вынимает предмет, который, по его мнению, является источником проблемы, и, как следствие, кровь течет еще быстрее.

— Ты... э-э... похоже, у тебя есть некоторый опыт использования именно этого приёма.

— Несколько турниров. Маги Анклава обычно знают, чего ожидать, но я забираю легкую победу у тех, кто не знает.

Все, что она говорила, было интересно, но не вязалось с тем, как я использовал демонический огонь на своем мече. Белла уже качала головой, когда я закончил выражать свою мысль.

— Это другое. — Она выглядела взволнованной тем, что у нее есть слушатель, и мне в голову пришла мысль, с учетом того, что для инферналов магия пустоты была довольно запретной темой, возможно, она впервые объясняла кому-то подробности своего мастерства. — Масло горит. Происходит реакция, которая удерживает магию в целости. Папа говорит...

Она остановилась, ее эмоции схлынули, не успев вырваться на поверхность. Я снова

почувствовал знакомый укол вины.

— Папа говорил, что существуют емкие металлы, способные удерживать магию в течение более длительного времени. — Она взяла в руки один из своих кинжалов. — А это обычная сталь.

Я обомлел. Кинжалы были настолько яркими и хорошо отполированными, что я принял их за вознесенную сталь, как и ее меч.

— Так как это называется? Наполнение магией?

Белла кивнула.

— Ммм... Это значительно расширяет наши возможности.

Кусочки встали на свои места.

— Потому что у магов пустоты в целом меньше возможностей для дальнего боя.

— Ты понял! — Волнение Беллы внезапно утихло. — Хотя, честно говоря, нет особой пользы в том, чтобы говорить тебе об этом. Любой метательный снаряд, скорее всего, будет более практичным, чем вливание маны в нож.

Я хотел, чтобы она продолжала говорить. Отвлечь ее от мысленного возвращения в то место, куда она уже почти скатилась.

— Ты этого не знаешь, — сказал я, — что, если третьим у меня пробудится магия пустоты?

Белла недоверчиво посмотрела на меня.

— Первое пробуждение часто оказывается последним, а до второго мы редко доходим.

Я пожал плечами.

— А мое первое было демоническим огнем, чего, по идее, никогда раньше не случалось. Мир меняется. По крайней мере, было бы неплохо научиться метать ножи.

Она изучала меня, ища в моих словах хоть малейший след шутки или сарказма. Я сохранял как можно более нейтральное выражение лица. Это выглядело так, будто она собирается мне отказать. Затем она поднялась на ноги и повела меня к открытому пространству.

Научиться вливать ману в предмет было довольно сложно. Получалось как-то не так, словно пытаешься впихнуть квадратный колышек в круглое отверстие. Казалось, что мана демонического огня сохраняется гораздо дольше, чем мана воздуха, так как воздушная мана быстро исчезала. Тем не менее я смог добиться успеха, используя более мелкие предметы, и в конце концов дошел до ножей. По словам Белларекс, пока предмет был пористым на микроуровне, с мельчайшими отверстиями, магию можно было пропихнуть внутрь.

Но метание казалось кошмаром. Важна была не столько приложенная сила, сколько вращательное движение. Нужно было почувствовать сам нож, и мне потребовалось более двадцати попыток, прежде чем я сумел метнуть свой первый нож. Мое уважение к Белле возросло. Я должен был принять все меры, чтобы убедиться, что моя дистанция, стойка, угол и вращение максимально приближены к идеальным, чтобы надеяться попасть ножом. Однако она с легкостью бросала нож в движущуюся мишень, будучи подвижной. Не существовало никаких реальных коротких путей к достижению результата.

Моя недолговечная затея с поясом метательных ножей, начиненных различными ядами, умерла жестокой смертью.

— Может топор больше подойдет, — предложила Белла, явно стараясь, чтобы это не прозвучало оскорбительно.

...

Затаившись в своем укрытии под частично обрушившимся склепом, я наблюдал за жуком. Он продолжал двигаться странным кругом против часовой стрелки, щелкая челюстями, и становился все более возбужденным. Мне не нравилась идея сражаться с ним в открытую, даже в идеальной ситуации, когда моя мана в основном восстановлена. Я представил себе, что старейшина Саладиус использует этих тварей в качестве своеобразных часовых. Вместо этого я выбрал на вершине каменной гряды ряд мелких камешков.

Взяв один из них, я стал медленно вливать в него ману кончиком пальца. Жук остановился, огляделся, издал разочарованный клич и снова начал кружить. Я повторил этот процесс для следующих пяти, делая перерывы между ними, чтобы убедиться, что мои действия остались незамеченными.

Затем я завернул третий палец за большой и щелчком выбросил камешек. Жук бросился за ним, вздымая песок. Я тихонько выбрался из развалившегося убежища, держа камешек в руке. Следующий брошенный камешек остался незамеченным, то ли влитой магии не хватило, то ли жука был ограничен радиус действия, а может, и то и другое вместе.

Я бросил следующий. И следующий. Жук перелетел через дюну и скрылся из виду.

...

Дурное настроение висело надо мной как туча. Старейшина Саладиус перешел черту. Он прекрасно знал, что у меня нет опыта общения с дикими обитателями пустыни. Я попытался напомнить себе, что если бы он хотел меня убить, то, скорее всего, поступил бы гораздо более прямолинейно. В конце концов, он дал мне карту. Он мог бы устроить засаду по этому пути. Но от этого легче не становилось.

Я с нетерпением ждал святилища. Обучения. Наконец-то применить полученные знания и освоенные приемы на деле, под наблюдением древних мастеров этого искусства, живших сотни лет. Тота практически полностью разрушила этот первоначальный план. И первым «мастером», которого мы встретили, оказался какой-то пьяный отшельник с наклонностями убийцы.

На полпути назад я наткнулся на выступ зазубренной скалы. Я планировал пройти весь путь до хижины, но ноги болели от нагрузки, связанной с продвижением по песку, и я решил немного передохнуть. На краю зрения мелькнуло какое-то шевеление. Я едва не вскочил на ноги, пока не признал его. Вогрин. Он коротким жестом дал мне понять, что «все чисто».

Я кивнул и указал назад, на лагерь. Мне не нравилось, что все так затянулось, и я не был уверен, что доверю старейшине Саладиусу защитить остальных, если дело дойдет до этого.

Между трещинами скалы мелькнуло что-то зеленого цвета. Это выделялось главным образом за счет контраста: небольшое пятно размытого зеленого цвета на фоне бесконечного золотого и темно-красного пейзажа. Я присмотрелся. Растение напоминало кактус, но меньшего размера. Корешки выглядели колючими, толстыми и рыхлыми, а на верхушке был оранжевый узор в виде звездочек, который больше подошел бы тыкке.

Его вид вызвал воспоминания, и я достал из ранца связку записей, просматривая список Казикаса. Пролистав несколько страниц, я нашел его. Изумруд Саванны. Он обладал целым рядом свойств, но среди них выделялось одно — возможность решения давней проблемы. Потребуется еще несколько ингредиентов, естественно, у меня их пока не было, но в итоге можно было получить зелье, с помощью которого можно было бы увеличить запасы маны. Я почти отбросил эту возможность, так как Казикас сказал мне, что в святилище мало мест, достаточно засушливых для их роста. Два удара невезения, один удар удачи. Я с радостью принял бы такую вероятность.

Я нашел еще несколько в трещинах выступов неподалеку. Намного больше, чем я ожидал. Хватит, чтобы поделиться, если удастся собрать остальные необходимые материалы.

В приподнятом настроении я направился обратно в долину, где находилась хижина старейшины. Я решил, что не стану проявлять ту реакцию, которую он, скорее всего, ожидал. Все они были снаружи, тренируясь на позднем полуденном зное. Джорра смеялся над тем, что сказала Майя, а они стояли бок о бок и наблюдали за Белл.

Я остановился на середине пути, удивлённый зрелищем, похоже, Белл и Саладиус обменялись пощечинами. Только это было более изящно. Это было похоже на рукопашный бой с использованием ладоней вместо кулаков, только в ладонях у них было полупрозрачно-фиолетовое

мерцание пустоты, и они пытались попасть им друг друга.

Белла сделала выпад, и старейшина Саладиус отразил ее удар тыльной стороной запястья, а затем поймал ее руку в захват, ударив ее по затылку.

— Ай! — воскликнула Белла.

— Видите, дети? Вот почему нужно не слишком полагаться на основное оружие. — Саладиус показал на себя и обернулся, чтобы ухмыльнуться Джорре и Майе. Оба выглядели обеспокоенными, но попридержали языки. Саладиус развернулся, едва не подставив подбородок под сильный удар пяткой. Он слегка отклонился назад, чтобы избежать удара, и схватил ее за лодыжку, повалив на песок.

Майя сказала что-то, что я не расслышал, но догадался по контексту. Белла подняла вверх большой палец. Но ее лицо было обращено в сторону от них. Я видел, как она с трудом переводит дыхание, становясь все более красной.

Попроси помощи, дура.

Я бросился бежать.

Саладиус не заметил этого, потому что повернулся, чтобы вытянуться, и только тогда заметил меня. Его взгляд переместился с меня на ведро в моей руке, на мою позу. Окружающая атмосфера, казалось, изменилась. Он приготовился.

Саладиус удивленно посмотрел на меня, когда я пробежал мимо него в сторону Беллы. Я мог бы бросить ему несколько ехидных или колких замечаний, но отмахнулся от них, вместо этого подняв Беллу на ноги.

— Больно, — пробурчала она.

— Подними руки над головой. Глубоко дыши. — приказал я ей. Майя подошла, но я покачал головой. Насколько я мог судить, никаких серьезных повреждений не было.

Я наклонился к ней так, чтобы говорить прямо в ухо.

— Почему ты не попросила помощи у Майи?

— Не... нуждалась в ней.

Это было на нее не похоже. Может быть, это еще одна особенность нашей группы, которую я

упустил? Я совершенно не замечал, как все устали от борьбы с кобольдами. Если подумать, то я пытался справиться с этим. Она сильно напрягалась. Пыталась показать свою значимость?

— Тебе не нужно доказывать свою значимость. — Я говорил тихо. — Нет ничего плохого в том, чтобы показать слабость своим союзникам, особенно если ты ранена.

— Я... могу справиться с этим... — прохрипела Белла. — Дай мне... минуту... и я смогу продолжить.

Я нахмурился. Может быть, сработает что-то более подходящее, если отвлечение не помогло. — Это тренировка, а не сражение. Я не собираюсь говорить тебе остановиться, но не переусердствуй.

— Прямо к... — Она остановила себя, но я мог бы заполнить пробел. — Как ты?

Мне показалось, что я впервые вижу ее в гневе. Саладиус ее достал. Белла не привыкла проигрывать в рукопашном бою. В тех редких случаях, когда мне удавалось вырвать победу, мне хватало изящества победить скромно, а она все равно дулась. А Саладиус был совсем не скромным.

Белла отошла от меня. Я повернулся к Саладиусу. Мне хотелось разорвать его. Чем бы он ни занимался последние несколько лет, это явно не было оттачиванием техники преподавания. Но у меня было подозрение, что всё, что я скажу на этот счет, вызовет у Беллы неприязнь. Ей отчаянно хотелось проявить себя, а чрезмерная опека привела бы к обратному результату.

Поэтому я протянул ведро Саладиусу и улыбнулся ему своей самой широкой и обаятельной улыбкой.

— Жучки накормлены. Осталось только вымыть полы, и на сегодня все.

Саладиус наклонил голову.

— Они... э-э... не доставили тебе никаких хлопот?

— Никаких, — соврал я.

— Хорошо. Убедись, что ты тщательно вымыл полы. — сказал Саладиус, быстро приходя в себя.

Я отвесил ему поклон, который был гораздо, гораздо более похож на реверанс служанки, а затем повернулся к Майе и Джорре, которые с сочувствием наблюдали за мной.

— Может, мне приготовить немного еды, прежде чем вы оба закончите?

Майя прикусила губу, но Джорра ухватился за эту возможность.

— Да, боги, — сказал он, — я умираю от голода.

Майя зашла проведать меня, когда я мыл полы. Мы коротко поговорили о Саладиусе, которого я нещадно ругал, утверждая, что он лишь немногим лучше предыдущих встреченных нами обитателей этой глуши. Майя сказала, что я слишком суров, но рассмеялась.

Из маленьких суккулентов я собрал пенистую светло-голубую субстанцию, стараясь, чтобы на молоко не попадали прямые солнечные лучи, как и предписывалось в записях.

Ближе к вечеру я перебрался на крышу — туда, где можно было быть начеку и где было достаточно света для работы. Я влил ману демонического огня в горсть мелких камней. Я сплел воздушные заклинания, поскольку они создавали наименьшее количество света, почти невидимого в темноте, и принялся за то, что сделал почти случайно раньше. Изгибать снаряды. Если бы я научился как-то сочетать это с демоническим огнем, польза была бы неоценима. Изогнуть огонь вокруг укрытия в что-нибудь легковоспламеняющееся, использовать способность управлять снарядом, чтобы разжечь пламя. Мгновенное разделение и паника в рядах противника.

— Ты на него похож.

Я вскочил, ища источник голоса. Старейшина Саладиус стоял на краю крыши и смотрел в мою сторону. Ленивая уверенность исчезла. Вместо этого его лицо выглядело мрачным и затравленным.

— На кого? — спросил я.

— На своего отца. У него был сильный акцент, слово «отец» прозвучало неестественно. Он будто скривился, глаза смотрели не на меня, а мимо меня.

— Вы с ним знакомы? — По тому, как он говорил, я понял, что Саладиус был на войне.

Он продолжал, как будто не слышал меня.

— Не уверен, что это можно назвать знакомством. Есть эта маска, эта вежливость, которую ты носишь, а он никогда не носил. Такой добрый. Почти вежливый. Почти одурачил меня. Но потом, когда монета падает и вынимаются ножи, ты становишься похожим на него.

Я не знал, что на это ответить.

— На кону стояла моя жизнь.

Старейшина Саладиус усмехнулся.

— В том-то и дело, не так ли, мальчик? Ты не сражаешься так, как будто на кону стоит твоя жизнь. Ни один из вас. Ты не ценишь ее вообще. Ты как будто дерзишь врагу, чтобы он забрал ее, как будто она тебе вообще не нужна.

И снова я растерялся. Я понимал, как он мог прийти к такому выводу. Я слишком хорошо знал, что такое смерть. Я слишком хорошо знал, как легко полумеры могут привести к ранней кончине. Но я не мог никому этого объяснить. Что это не было безрассудством. Наоборот.

— Сначала я думал, что ты волк в овечьей шкуре, использующий детей как щит. Думал, что ты вернешься, как только я тебя немного подтолкну. Потом я увидел, как ты обращался с девочкой. Было похоже, что тебе не все равно. Это не соответствовало образу. — Он сел напротив меня. — Этот ублюдок когда-нибудь рассказывал тебе, что он с нами сделал? — Слова дались мне с трудом.

Я сглотнул, слишком хорошо понимая свое положение. Остальные, скорее всего, уже спали. Вызов Вогрина займет несколько минут.

Я осторожно произнес.

— Меня там не было. То, что я знаю, в основном, из историй. Мой отец разрушил анклав. Там были драконы. На одном из них он влетел во врата измерения. А на выходе сломал портал.

— Ну, я там был. И это даже не половина, — сказал Саладиус. Он откупорил бутылку вина и начал рассказывать.

<http://tl.rulate.ru/book/77890/3128007>